

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО
CIVIC SOCIETY AND RULE-OF-LAW STATE

Понятие свободы в юридическом и общественном дискурсах России

*Е.А. ЛУКЬЯНОВА**

*ЛУКЬЯНОВА Елена Анатольевна — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права факультета права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3. E-mail: pravoslovo@mail.ru

В статье анализируется понимание свободы российским законодательством и российской правовой наукой и оценка этого понятия российской правоприменительной практикой. Во многом проблемы российского юридического понимания свободы обусловлены историческими особенностями функционирования российского государства, его ролью и местом в жизни отдельного человека. В статье кратко определяются основные реперные точки, сформировавшие эту специфику. Именно такой короткий экскурс должен помочь исследователям в сопредельных областях скорректировать свои представления о причинах современного состояния российского юридического осознания свободы.

Ключевые слова: свобода, политические режимы, конституционализм, верховенство права, правоприменительная практика.

DOI: 10.31857/S086904990010072-1

JEL: D72, K00, K19, L38

Цитирование: Лукьянова Е.А. (2020) Понятие свободы в юридическом и общественном дискурсах России // Общественные науки и современность. № 3. С. 95–111. DOI: 10.31857/S086904990010072-1

Concept of freedom in the legal and public discourses of Russia

*Elena A. LUKYANOVA**

*Elena A. Lukyanova — Doctor of Law Sciences, professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics. Address: 3 Bolshoy Trekhsvyatitelskiy pereulok, of. 422a, Moscow, Russia, 109028. E-mail: pravoslovo@mail.ru

Abstract. The article analyzes what Russian law and Russian legal science mean by freedom and how this concept is evaluated by Russian law enforcement practice. In many ways, the problems of the Russian legal understanding of freedom are caused by the historical features of the functioning of the Russian

state, its role and place in the life of an individual. The article briefly defines the main reference points that formed this specificity. Such short excursion should help researchers in adjacent areas to correct their ideas about the causes of the current state of Russian legal understanding of freedom.

Keywords: freedom, political regimes, constitutionalism, corruption, rule of law, law enforcement practice.

DOI: 10.31857/S086904990010072-1

JEL: D72, K00, K19, L38

Citation: Lukyanova E. (2020) Concept of freedom in the legal and public discourses of Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 95–111. DOI: 10.31857/S086904990010072-1 (In Russ.)

“Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги”

Платон

“Россия будет свободной!” – главный лозунг всех протестных митингов в России последнего десятилетия. От кого/чего свободной? Как это – свободной? Что имеют в виду демонстранты? Что понимают под свободой российское законодательство и российская правовая наука? Как оценивается это понятие российской правоприменительной практикой?

Казалось бы, все, что касается свободы, уже давно осмыслено и усвоено в современном мире. В преамбуле к Уставу Совета Европы (1949 г.) подчеркивается приверженность государств-членов “духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства права, лежащих в основе любой истинной демократии”. В преамбуле к Европейской конвенции о защите прав человека (1953 г.) заявляется, что правительства европейских государств характеризуются как движимые “единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права”. Да, конечно, Россия признала этот Устав в 1996 г. и ратифицировала Конвенцию в 1998 г. только почти через полвека после их появления. Но все же она признала и ратифицировала их. И случилось это не вчера, а более чем два десятилетия назад. Что же происходит у нас в стране со свободой? Почему же ныне полиция задерживает молодежь, устраивающую публичные уличные читки Конституции или стоящую в пикетах с плакатами в защиту свободы?

Во многом проблемы российского юридического понимания свободы обусловлены историческими особенностями функционирования российского государства, его ролью и местом в жизни отдельного человека. Попробуем очень кратко, буквально “бегом” определить основные реперные точки, сформировавшие эту специфику. И быть может, именно такой краткий экскурс поможет исследователям в сопредельных областях скорректировать свои представления о причинах современного состояния российского юридического свободоосознания.

На протяжении длительного времени в России доминировало практически непереодолимое на другие языки понятие “воли”, а не понятие “свободы”. В мифологии русского национального характера понятия “свобода” и “вольность/воля” до сих пор занимают едва ли не столь же почетное место, как “соборность”, “духовность”, “щедрость” и некоторые иные абстрактные понятия, которые, в отличие от “свободы”, не имеют юридическо-

го смысла. Подобные образы национальной мифологии находятся в резком противоречии с историческими реалиями и с представлениями о них исторической науки. Большинство ученых сходятся во мнении, что несвобода была присуща русскому обществу на всех этапах истории России в гораздо большей степени, чем свобода. И дело не только в том, что до 1861 г. основная масса населения находилась в крепостной зависимости. Несвободны были и все остальные слои русского социума, гражданские права которым были впервые предоставлены лишь Манифестом 17 октября 1905 г. [Каменский 2011].

Например, В. Кивелсон в статье с характерным названием “Гражданство: права без свободы” доказывает, что подданные московских царей в XVI–XVII вв. обладали практически всем набором прав и возможностей, описываемых этим понятием, но при этом у них не было свободы. Он полагает, что в Московской Руси “во многих (хотя и не во всех) контекстах слово свобода имело сильную негативную коннотацию” и, будучи “важным элементом московского политического дискурса”, ассоциировалось с беспорядком, нарушением покоя, разрушительной силой, а также, что очень важно, с индивидуализмом, в то время как московское общество было основано на коллективизме [Kivelson 2002].

Досоветский период

Официально ассоциировать понятие закона со свободой (волей, вольностью) в России начинают с “Наказа” Екатерины II, где впервые провозглашалось, что “вольность есть право делать, что законы дозволяют” [Чичерин 2000, с. 11]. Так в официальный государственный оборот был введен принцип “разрешено только то, что разрешено” при абсолютной свободе монаршего усмотрения. То есть сразу же при первом своем нормативном упоминании юридическое понятие свободы в России означало полную и безоговорочную свободу власти, дозволяющей быть свободными остальным исключительно по вопросам и в границах ею определяемых.

Власть властью, но российская юридическая мысль все же периодически вносила в повестку бюрократической дискуссии вопрос о пределах государственного произвола и о его законодательном ограничении. В 1808 г. в Эрфурте во время беседы двух императоров один из них – тот, что ниже ростом, – задал второму вопрос: “Не угодно ли Вам будет, государь, променять этого человека на какое-нибудь королевство?” [Реформы... 1996, с. 41]. Так “император всех французов” Наполеон оценивал тогда еще тайного советника российского императора Александра I М. Сперанского. Царь взял с собой на сложнейшие переговоры с Наполеоном самого способного из своих чиновников, впоследствии подготовившего и осуществившего систематизацию российского законодательства – издание Свода законов Российской империи. Он взял с собой человека, утверждавшего, что “никакое правительство, с духом времени несообразное, против всемогущего его действия устоять не может” [План государственного преобразования... 1905, с. 16], реформатора, с которым тот “не преминул обсудить в подробных беседах различные вопросы управления” [Шиман 1908, с.23] и который подготовил проект преобразования России в конституционную монархию.

Сперанский уже тогда размышлял над тем, «каким образом коренные законы государства соделать столько неподвижными и непрменяемыми (архаичный вариант слова “неизменными”. – *Е.Л.*), чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела? Сей вопрос всегда был наиважнейшим предметом размышления всех добрых государей, упражнением наилучших умов, общию мыслию всех, кто истинно любит отечество и не потерял еще надежды видеть его счастливым» [Сперанский 2008, с. 274].

На рубеже XIX–XX вв. юристами разных стран все чаще стал ставиться вопрос о возможности ограничения власти законами и о пределах вмешательства государства

в реализацию прав и свобод граждан. Например, классик британской юридической науки, основоположник доктрины “господства права”, или “верховенства права”, профессор Оксфордского университета А. В. Дайси, утверждал, что власть, основанная на свободе усмотрения, будет приводить к произволу “Торжественно провозгласить право личной свободы, – писал Дайси, – вещь не трудная, но в большинстве случаев в ней очень мало толку. Действительно затруднения заключаются в том, чтобы обеспечить пользование этим актом” [Дайси 1907, с. 212–213]. Право на личную свободу в Англии не гарантировано писаной Конституцией подобно континентальным странам. Это право вытекает из ст. 39 Великой Хартии Вольностей от 1215 г., гласящей: “Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его [его пэров] и по закону страны” [История... 2017, с. 70].

Один из основоположников конституционного права России Б. Чичерин считал признание человека свободным лицом величайшим завоеванием человечества и существенным шагом вперед на пути обретения цивилизованности. Свобода по Чичерину – есть метафизическое начало, но одновременно и цель для нормального развития общества. Чичерин рассматривал человеческую свободу не как природное, а как историческое явление – это гражданская свобода, ограниченная законом. Необходимо разделять две области государственной жизни – гражданскую и политическую, которым соответствует определенный тип свободы. Между ними существует диалектическое единство: гражданская свобода должна быть дополнена политической свободой, которая становится высшей целью и воплощается в государстве. Государство возвышается над общественными союзами и гражданами как высший порядок, который восполняет частные отношения, основанные на свободе. Интересы гражданского общества могут быть как материальными, определяемыми правом, так и духовными, осуществляемыми, как правило, путем свободного обмена мыслей и чувств. Движущая сила гражданского общества, по мнению Чичерина, – частные собственники, а государство, возвышаясь над гражданским обществом, черпает из него свои силы. Где нет широкой гражданской свободы, там политическая свобода всегда будет призрачна. Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе [Чичерин 2000, с. 574].

Свобода есть ценность-цель, она предполагает самостоятельность и активность субъекта, она динамична, но, чтобы достичь внешней свободы, надо стать внутренне свободным, научиться делать выбор и отвечать за него. Но свобода не может быть дарована сверху, ее надо выстрадать, осознать ее суть и пути к ней. Человек должен уяснить природу свободы, ее правовую форму и пределы, цель и назначение, нравственно-духовные основы. Если этого не случится, то свобода неизменно трансформируется в произвол [Медушевская 2009; Медушевская 2010].

17 октября 1905 г. Николай II подписал Манифест “Об усовершенствовании государственного порядка”. В нем объявлялось о “даровании населению” “незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов” и о привлечении к участию в Государственной думе тех классов населения, которые раньше вообще были лишены избирательных прав. В отношении компетенции будущей Думы устанавливалось, что без ее одобрения никакой закон не сможет получить силу и что ей будет обеспечена возможность “действительного участия в надзоре за закономерностью действий” поставленных от царя властей.

Правда, со всем этим резко контрастировало заявление министра финансов В. Кокотцова о том, что “в России, слава Богу, нет парламента” [Авакьян 1997]. Да и статья 87

Основных государственных законов Российской Империи наделяла государя правом издания новых законов непосредственно — “во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызывают необходимость в такой мере”. А такие “чрезвычайные меры” случались. Первая Дума не прожила и трех месяцев и была распущена уже 9 июля 1906 г. За первой Думой последовала и вторая, распущенная в июне 1907 г. Царь постоянно давил на очередную Думу угрозой роспуска [Калинычев 1957, с. 79–103]. Дума боялась, но все же не хотела быть совсем “карманной”. И поэтому ее то распускали, то разгоняли, то отправляли на внеурочные вакации, а в итоге и вовсе упразднили.

И все же к 1917 г. в России на основе собственных и международных исследований был наработан значительный научный потенциал в области философии права и поиска соотношения между свободой и государством. Да, видение этого соотношения было в целом позитивистским [Зорькин 1978], основанным на понимании правового государства как торжества закона, государства законности Р. фон Моля. Именно таким образом в XIX – начале XX в. государство виделось многим представителям российской юридической науки [Лантева 2009, с. 149]. И быть может, все это получило бы гармоничное продолжение через теорию народного представительства Б. Чичерина [Чичерин 1998] и позитивизм Г. Кельзена, который, выявив принципиальные различия между абсолютной и конституционной монархиями, писал, что “важная отличительная особенность, приобретенная отныне конституцией, выражается в существовании нормы (конституции), в соответствии с которой законы должны приниматься *определенным образом (посредством народного представительства)*” [Чистое учение... 1988, с. 208–209].

Но, увы, в истории не бывает сослагательного наклонения. Развитие философско-юридических идей о праве и свободе, внедрение их в российскую государственную практику было на долгие годы прервано октябрьским большевистским переворотом 1917 г. и роспуском в январе 1918 г. Учредительного собрания. И хотя традиции дореволюционного российского юридического позитивизма были отчасти восприняты советской юридической наукой, они трансформировались в крайнюю форму – в легизм.

Советский период

Советская власть много говорила о свободе, массово использовала это понятие в своих нормативных и пропагандистских документах, но на деле советское понимание свободы мало чем отличалось от екатерининских времен. Потому что, во-первых, свобода и диктатура – понятия несочетаемые. Диктатура ориентируется на то, что считается *целесообразным* с точки зрения диктатора (индивидуального или коллективного). Об этом откровенно писал В. Ленин еще в 1906 г.: “Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, *никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную*, непосредственно на насилие опирающуюся власть” [Ленин т. 12, с. 320]. Во-вторых, свобода большевиков не интересовала – им нужно было получить контроль над экономической системой с тем, чтобы видоизменить ее [Израэль 2016, р.24]. То есть идею свободы эти элиты тоже должны были сильно видоизменить. Именно поэтому советское право и советское правоприменение всегда основывались на легистском принципе верховенства закона над правом и свободой, что позволяло власти манипулировать свободой в любом объеме.

Провозглашая свободу труда, Советская власть одновременно в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства ввела всеобщую трудовую повинность и провозгласила лозунг: “Не трудящийся, да не ест!” (ст. 18 Конституции РСФСР 1918 г.). Признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, она, “руководствуясь интересами рабочего класса”, лишила отдельные группы прав, “которые используются ими в ущерб интересам социалистиче-

ской революции” (ст. 22 и 23 Конституции РСФСР 1918 г.). Она провозгласила свободу выражения мнений, уничтожила зависимость печати от капитала, передала все технические и материальные средства, необходимые для издания газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати, в руки рабочего класса и крестьянской бедноты (ст. 14 Конституции РСФСР 1918 г.), но объявила, что органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству, подлежат закрытию (Декрет о печати от 27 октября 1917 г.). Одновременно вместе с приходом Советской власти граждане лишились таких свобод, как свобода убеждений, свобода передвижения и выбора местожительства, перемещения за пределы страны, свободы промыслов и возможности каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями [Гурвич 1923].

В Конституции СССР 1936 г. термин “свобода” также упоминался (в статьях 124 и 125). В них речь шла о свободе совести, свободе слова, свободе печати, свободе собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. И люди действительно могли выходить с цветами и плакатами на улицы городов, но только и исключительно в дни государственных праздников “в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя”. Видимо, именно этими интересами были обусловлены разгон и расстрел в июне 1962 г. стихийной забастовки рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода в Ростовской области (26 погибших, 87 раненых), семерым из инициаторов которой были вынесены смертные приговоры, а остальные получили длительные сроки лишения свободы.

В Конституции СССР 1977 г. (статьи 39, 50) вновь перечислялись все те же свободы, дополненные свободой творчества. Появилась смягченная формулировка Конституции СССР 1936 г. – размытая “резиновая” формула о том, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства. Что конкретно имелось в виду под интересами государства и общества ни в Конституции, ни в каком-либо другом нормативном правовом акте не уточнялось и, следовательно, могло оцениваться произвольно. Эту традицию советской правовой неопределенности Россия сохранила до сегодняшнего дня.

Может быть именно поэтому в советском “Юридическом энциклопедическом словаре” 1984 г. вообще нет специального термина “свобода”. Есть только перечисленные в Конституциях отдельные свободы граждан. При этом все они характеризовались как носящие разрешительный, зависимый от воли государства характер, а их содержание *a priori* должно было цензурироваться на соответствие интересам социалистического строя (с. 325–326).

В классическом университетском учебнике по советскому государственному праву свобода описывается следующим образом: “Основное право (свобода) – это установленная Советским государством и закрепленная в его Конституции возможность, позволяющая каждому гражданину избирать вид и меру своего поведения, пользоваться предоставленными ему благами как в личных, так и в общественных интересах. Установленные законом возможности в одних случаях именуют правами, в других – свободами. Между этими понятиями трудно провести строгие различия, ибо одну и ту же правовую возможность можно характеризовать и как право, и как свободу” [Воеводин 1980, с. 229–230].

И даже тогда, когда советское руководство решилось провести модернизацию, осознав, что страна дальше не может развиваться в соответствии с коммунистическими догматами в их традиционном виде, оно не смогло отойти окончательно от этих догматов и попыталось примирить идею правового государства с ленинской доктриной. В официальных документах перестройки права и свободы граждан провозглашались как важнейший элемент социалистического правового государства, но опять-таки ставились в твердые рамки определенных социально-политических связей – они ограничивались подзаконным

дозволением и “приверженностью социалистическим идеалам”, поскольку “открытая для всего лучшего из мирового демократического опыта советская политическая система основывается на собственных социалистических ценностях” [Лукьянов 1989]. По мнению авторов перестройки, “процесс создания правового государства – это прежде всего процесс обеспечения верховенства закона” [Горбачев 1989^а, с. 24–25]. “В условиях демократического и правового государства, к которому мы стремимся, не может и не должно быть иного способа политического действия, как опора на закон” [Горбачев 1989^а].

В материалах XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) решение задачи по формированию социалистического правового государства было неразрывно связано с “максимальным обеспечением прав и свобод советского человека, ответственностью государства перед гражданином и гражданина перед государством, с возвышением авторитета закона и строгим его соблюдением всеми партийными и государственными органами, общественными организациями, коллективами и гражданами, с эффективной работой правоохранительных органов” [Резолюция... 1988]. То есть, кроме признания ответственности государства перед гражданином, ничего нового в данной формуле не было, ибо все остальное – старый советский легистский тезис “об укреплении социалистической законности” [Краснов 2018, с. 224–225]. Свобода, рассчитанная только на советского человека, так и осталась во власти закона, содержание которого определялось социалистическими идеалами и могло как угодно модифицироваться в зависимости от интересов власти.

Свобода же человека может быть обеспечена только господством права над государственной властью, только ограничением произвольного государственного усмотрения в отношении содержания и объема этой свободы принципами права. В условиях произвола, основанного на определенной идеологической целесообразности, свободы быть не может. Из этого следует, что “концепция социалистического правового государства представляла собой некую неоидею о правовом государстве, лишь терминологически связанную с известными теориями и с целым направлением в истории правовой мысли. Но использование этой терминологической конструкции не мотивировано, поскольку в ней подразумевается тождество права и закона. А, значит, к подлинной идее правового государства (в любых известных правовой истории вариантах) концепция социалистического правового государства имеет малое отношение” [Омельченко 1994, с. 89].

Постсоветский период

Спустя 250 лет после “Наказа” Екатерины II уже в современной России спор о том, что важнее – сущность и содержание свободы человека или произвольное право государства ограничивать эту свободу законом, – обрел новое значение. Этот спор вышел за пределы кабинетов ученых и бюрократических дискуссионных площадок на улицы российских городов. К сожалению, процесс выяснения истины далеко не всегда имел мирный характер: ряду желающих понять на деле смысл свободы пришлось отведать полицейских дубинок и поплатиться своей личной свободой на разный период времени. Такое жесткое выяснение отношений граждан и власти по вопросу о сущности и о пределах реализации свободы имело в отличие от советского периода уже совершенно иную философско-правовую и образовательную подоплеку.

Дело в том, что действующая Конституция России 1993 г. буквально пропитана свободой и теорией свободы в ее современном международном понимании. Начиная с преамбулы, в которой Россия, “сознавая себя частью мирового сообщества, утверждает права и свободы человека”. Важнейшей основой конституционного строя (статья 2) стало признание прав и свобод человека как высшей ценности, их соблюдение и защита – главной обязанностью государства. Глава о правах и свободах человека и гражданина заняла, наконец, подобающее ей второе место в структуре конституционного текста

и в логике конституционных смыслов после главы об основах конституционного строя (для сравнения – аналогичные главы в конституциях СССР 1936 и 1977 гг. располагались, соответственно, на десятом и на седьмом местах).

Содержание прав и свобод было приведено к международно-признанным стандартам. Безальтернативно установлены их неотчуждаемость, принадлежность от рождения и непосредственность действия (статьи 17 и 18). Права и свободы были поставлены над государством и признаны единственным смыслом и целеполаганием применения законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (статья 18).

Были восстановлены право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22), свобода передвижения и выбора места пребывания и жительства, свобода выезда за пределы Российской Федерации и въезда в нее, свобода использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34), свобода распоряжения своими способностями к труду, выбора рода деятельности и профессии (статья 37). Свобода совести была усилена свободой вероисповедания (статья 28). Свобода мысли и слова получила гарантии свободы средств массовой информации и запрета цензуры (статья 29).

Одновременно были созданы дополнительные меры защиты от возможного произвола государственного усмотрения – судебное обжалование (при условии соблюдения принципа независимости суда), возможность обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Было также введено правило, согласно которому в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (статья 53), и установлен круг прав-гарантий справедливого судебного разбирательства, неотменяемых и неограничиваемых ни при каких обстоятельствах вплоть до чрезвычайного положения (статьи 46–54).

В результате новое российское конституционно-правовое учение о свободе было приведено к следующим основным положениям: все люди свободны от рождения, и никто не вправе отчуждать их естественные права. Обеспечение и охрана этих прав – главное назначение государства. Равенство возможностей для всех – основа свободы; свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому лицу и общему благу. Свобода человека, следовательно, не может быть абсолютной, она ограничена правами и свободами других лиц, принципами морали и нравственности, интересами всеобщего благосостояния. Но государство не свободно в определении этих принципов – любые вводимые ограничения не должны посягать на саму сущность свободы.

Учение о свободе, воплощенное в основном законе страны, не прошло мимо значительной части населения. Люди его восприняли и в точном соответствии с объявленным начали воплощать в жизнь. Они, в отличие от многих представителей власти, прочитали Конституцию внимательно и отнеслись к ней вполне серьезно. А за четверть века еще и молодежь подросла – так называемое “непоротое” поколение, выросшее после крушения советского тоталитаризма. Вот именно они и предъявили государству свое видение свободы, сочли необходимым эту свободу отстаивать и наткнулись на агрессивное противодействие. Ведь Конституция, которая не прошла обкатку жизнью и не начала применяться, – пока еще не конституция, а всего лишь текст на бумаге. То, что происходит сейчас в России, – живой конституционный процесс, жесткая публичная философская дискуссия в момент, когда целеполагания руководства страны перестали совпадать с конституционными целеполаганиями и с представлениями граждан о свободе.

Отчасти в этом “виновата” и сама Конституция. Ее окончательная редакция, готовившаяся в режиме острого цейтнота в короткий период между расстрелом парламента

и конституционным референдумом осенью 1993 г., не идеальна. Положения ее первых двух высокопрофессионально сформулированных глав не были подкреплены должным набором политических институтов, правильно сконструированной системой разделения властей и качественной судебной реформой. Все это постепенно привело к ситуации узурпации власти и к авторитарному правлению, в условиях которого, как общеизвестно, свободе живется плохо.

Даже две первые главные демократические главы Конституции, к которым у юристов меньше всего претензий, не идеальны. Например, в той же статье, где говорится о невозможности издания законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека, содержится очень опасная формула: “права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства” (часть 3 статьи 55). Эта формула опасна с точки зрения произвольной трактовки государством терминов “безопасность”, “нравственность”, “оборона и безопасность” (часть 3 статьи 55). Узнаете? Она очень похожа на “резиновую” формулу Конституции СССР 1977 г. Спустя время эта размытая формула была использована в полном объеме. Именно она позволила власти начать массивную законодательную атаку на права и свободы человека, особенно обострившуюся после активизации публичных протестов 2011 г.

Под прикрытием конституционной формулы законами и подзаконными актами постепенно стали искажаться и подменяться конституционные смыслы свободы, создаваться многочисленные процедуры и правоприменительные практики, препятствующие ее нормальной реализации. Власть и общество по-разному понимали оборону и безопасность страны, но при раскрытии этих понятий приоритет был на стороне власти. Дело дошло до того, что Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин, долгое время представлявший Россию в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия), покинул это высочайшее юридическое экспертное учреждение со следующим комментарием: “...**все чаще возникает коллизия, когда приходится высказываться** (читай – оправдываться. – *Е.Л.*) в комиссии о содержании правовых норм, которые затем попадают на рассмотрение в Конституционный Суд” [Глава Конституционного суда... 2013].

С тех пор инволюция (отрицательное развитие) позиции страны в отношении прав и свобод человека перманентно нарастала. Зазвучали тревожные предостережения о полном игнорировании российским государством международного понимания свободы в Российской Федерации [*Бланкенгель, Левин* 2013, с. 61]. Зорькин не зря покинул авторитетную европейскую экспертную площадку: Венецианская Комиссия и Европейский суд по правам человека все чаще стали призывать Россию привести свое законодательство в соответствие с европейскими стандартами. Особые претензии вызывало неоправданное расширение оснований ограничения свободы собраний и усиление ответственности организаторов публичных мероприятий¹.

Постепенно государство начало готовить почву для возражений на такие претензии. В лекции, представленной Председателем Конституционного Суда на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге 19 мая 2016 г., он сообщил, что “защита прав человека не должна подрывать нравственные устои общества и разрушать его религиозную идентичность. Обеспечение прав граждан не должно создавать угрозу государственному суверенитету. Наконец, защита достоинства человека не должна вести к отказу от тех моральных универсалий, на которых сформировалось когда-то челове-

¹ См., например, Application no. 74552/01, *Oya Ataman v. Turkey*, Judgment of 5 December 2006, Para. 42; Application no. 35082/04, *Makhmudov v. Russia*, Judgment of 26 July 2007. Para. 64.

ство и которые до сих пор позволяли ему сохранять себя от саморазрушения” [Зорькин 2016]. Основная мысль, которую Зорькин пытался донести до аудитории, состояла в том, что права и свободы человека – это идея, таящая в себе угрозу, от которой в современной ситуации, когда “авторитет права утрачен”, гораздо больше опасности, чем пользы. Не случайно семантическое поле, в рамках которого им характеризовались права человека, состоит исключительно из негативных по звучанию слов, таких как “нарушение”, “слом”, “шок”, “ломка”, “обрушение”, “угроза”, “катастрофа”, “самоубийство”, “похороны” и т.п. В качестве альтернативы правам человека и праву, “которое не является подлинным в целом”, Зорькин предложил традицию и нравственность.

Спустя некоторое время гражданам было официально объявлено, что права и свободы человека — опасный инструмент, используемый для дестабилизации российского общества. Пункт 45 Указа Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 “Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации”² гласит: “Россия, приверженная универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека, видит свои задачи в том, чтобы противодействовать попыткам использования протекционистских концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств”.

Так спустя всего два с небольшим десятилетия свобода в России вновь была “упакована” теперь уже в новую идеологическую обертку, позволяющую государству вопреки Конституции произвольно интерпретировать ее смыслы и беспрепятственно ограничивать содержание. Причем на уровне не только закона и подзаконных актов, но и повседневного правоприменения.

Свобода и правоприменение

Если законы принимаются парламентом, сформированным в результате несвободных и несправедливых выборов по приказу сверху без должного обсуждения и анализа, то они недружественны по отношению к свободе и к Конституции. Но в России есть еще один феномен – повседневное применение этих плохих законов, которое оказывается многократно хуже, чем сами законы. Это правоприменение противоречит не только сущности свободы, но и здравому смыслу. В логике деловых обыкновений российских правоохранительных органов и суда можно отправить в тюрьму за вероисповедание (Свидетели Иеговы – 268 человек), возбудить процесс о признании экстремистской священной книги кришнаитов (Бхагават Гита), дважды судить людей – сначала за недоплату налогов, а потом за хищение всего того, с чего эти налоги были недоплачены (дело ЮКОСа), пытаться отнять у родителей ребенка за прогулку с ним по городу в день митинга, подбросить наркотики журналисту-расследователю, чтобы он перестал расследовать, бросить за решетку политического конкурента по любому основанию. Можно бесконечно долго перечислять кейсы и возможности, которые открываются перед властью имущими посредством подобной юридической практики. Для обеспечения полной свободы своих действий они креативны и неистощимы в произвольном толковании содержания свободы других. В итоге дела против России составляют большую часть работы Европейского суда по правам человека. Например, за 2018 г. россияне пожаловались в ЕСПЧ больше 12 000 раз, а судьи вынесли по делам против России две с половиной сотни решений [Вараксин 2019].

Особо яркая иллюстрация ситуации произвольного государственного усмотрения в отношении двух конституционных свобод – свободы передвижения и свободы собираться мирно и без оружия – уголовное дело программиста из Москвы К. Котова, который

² Собрание законодательства Российской Федерации, 2016. № 49. Ст. 6886.

в течение 2017–2019 гг. несколько раз выходил на мирные акции протеста в поддержку политзаключенных (например, украинского режиссера О. Сенцова, крымских татар и других). Летом 2019 г. он был привлечен к уголовной ответственности по статье 212.1 УК РФ: “Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это деяние совершено неоднократно”, и приговорен к четырем годам заключения.

В обвинительном заключении и в приговоре суда его деяния описаны так: “С целью реализации своих противоправных намерений, он, Котов К.А., умышленно, совместно с иными лицами, в количестве не менее пятидесяти человек, пренебрегая предусмотренным ч. 1 ст. 27 Конституции правом других лиц на свободное передвижение, вопреки ч. 3 ст. 17 Конституции совместно с иными неустановленными лицами нарушая общественный порядок, скандировал лозунги различного тематического содержания с целью продолжения участия в несогласованном митинге, не выполняя неоднократные законные требования сотрудников правоохранительных органов прекратить противоправные действия, **препятствуя тем самым свободному перемещению лиц**, чем создавал реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических и юридических лиц, общественному порядку, общественной безопасности и иным конституционно охраняемым ценностям” [В чем же обвиняют... 2019]. Хотя видеозаписями зафиксировано, что в момент задержания Котов всего-навсего с помощью телефона делал видеозапись задержаний других людей.

То есть следственные органы прямо ссылаются на Конституцию, но ссылки эти использованы неосновательно, непрофессионально и умышленно недобросовестно. В части 1 статьи 27 Конституции Российской Федерации, устанавливающей право каждого, “кто законно находится на территории Российской Федерации, свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства”, не идет речь о перемещении граждан по улицам городов. Эта статья вытекает из требований Всеобщей декларации прав человека (ст. 13), Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 12) и ст. 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Свобода передвижения, выбора места пребывания и жительства – существенный элемент свободы личности, условие профессионального и духовного развития человека. Именно так трактует эту норму Конституционный Суд России³.

Закрепление свободы передвижения в Конституции имеет большое значение само по себе. Но оно усиливается в связи с тем, что с этим видом свободы тесно связана реализация многих других конституционных прав и свобод граждан, например право собственности и наследования, право на жилище, на труд, на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, на социальное обеспечение, охрану здоровья и медицинскую помощь, избирательные права и др. Реализация этого права-свободы конкретизирована в Законе “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации”, который не имеет никакого отношения к уголовному делу Котова.

Предложенная же следствием и судом трактовка – это не просто насилие над русским языком, но полное искажение смысла конституционной нормы. Причем данная трактовка не могла быть использована против Котова. Наоборот, в соответствии с этой трактовкой он имел полное конституционное право совершать все те действия, за которые был осужден. То есть в правовой оценке действий Котова следствием и судом все перевернуто с ног на голову.

Точно так же недобросовестно использована в данном деле и часть 3 статьи 17 Конституции (осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нару-

³ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П.

шать права и свободы других лиц), поскольку конкуренция двух прав не может быть абстрактной и гипотетической. Она может возникнуть только между конкретными носителями прав (а не их неопределенным кругом) в конкретный момент одновременного осуществления прав. Только тогда возникает обоюдный вопрос об их взаимном ограничении.

Еще одна особенность этого дела состоит в том, что Конституционный Суд России уже рассматривал похожий кейс (дело И. Дадина) и вынес по нему решение, обязательное для применения во всех других подобных делах. В этом решении суд сделал четыре главных вывода: 1) само по себе нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия не является достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности; 2) без причинения реального ущерба или вреда привлечение к уголовной ответственности за нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия выходит за границы конституционно допустимого уголовно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина; 3) угроза общественной безопасности должна быть реальной, а не мнимой и не абстрактной. Наличие такой угрозы должно быть доказано в состязательном процессе; 4) назначение лицу наказания в виде лишения свободы возможно лишь при том условии, что нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой утрату публичным мероприятием мирного характера⁴.

Такое решение было вынесено не случайно. Оно опиралось на позицию ЕСПЧ и других международных организаций, которые исходят из того, что поскольку «любая массовая акция приносит некоторые неудобства окружающим», ограничения этой свободы необходимы. Но они должны быть соразмерными и не должны посягать на саму сущность свободы манифестаций. На основе сформулированных единых международных стандартов ЕСПЧ требует от государств проявлять терпимость к мирным собраниям (при отсутствии насилия со стороны демонстрантов) с тем, чтобы свобода собраний не была лишена своего смысла и содержания [Руководящие... 2007; Шайо 2011, с. 146; Храмова 2014]. Знают об этом следствие и суд? Даже если и не знают, то знать обязаны. Они не имели права делать выводы о виновности Котова. Однако сочли возможным произвольно истолковать ситуацию без оглядки на любые ограничения.

Вот еще один красноречивый пример: «30 октября 2019 года представитель прокуратуры Краснодарского края Илья Лабашев возбудил административное производство в отношении правозащитницы Юлии Федотовой. Прокурор обвинил правозащитницу в том, что она подала иск (!) в Краснодарский краевой суд об отмене двух положений регионального закона о митингах в рамках проекта «Правозащита Открытки», который прокурор Лабашев причисляет к программам «нежелательной» британской организации «Open Russia» [Жилин 2019]. То есть гражданин России обжаловал в суд содержание регионального закона, и его за это привлекают к ответственности! Можно в этом сообщении найти нормальную человеческую и правовую логику? Нет, конечно. Текст похож на бред сумасшедшего. Но это вовсе не бред, а всего лишь произвольное правоприменительное усмотрение прокуратуры, этакое королевство кривых зеркал, в котором вынуждена жить страна.

* * *

Буквально за несколько дней до своей смерти последний президент Чехословакии и первый президент Чешской Республики В. Гавел 9 декабря 2011 г. в ответе на вопрос «Новой газете» так оценил состояние взаимоотношения государства и личности в современной России: «Думаю, что российское общество ведет борьбу с самой жесткой из всех

⁴ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02. 2017 № 2-П.

известных форм посткоммунизма, с этойкой особенной комбинацией старых стереотипов и новой бизнес-мафиозной среды. Возможно, политологи найдут связь сложившейся в России ситуации с нынешними арабскими революциями, но лично я слышу в происходящем, прежде всего, эхо крушения “железного занавеса”, отзвук политических перемен 1989–1990 годов. Не может быть и речи о демократии до тех пор, пока власть оскорбляет достоинство граждан, подминает под себя правосудие, средства массовой информации и манипулирует результатами выборов» [Гавел 2011].

То есть сегодня вопрос о пределах свободы усмотрения российского государства по ограничению любой иной свободы так до конца и не решен. Ранняя постсоветская Россия решила его в пользу прав человека. Действующую Конституцию РФ открывает базисный раздел, построенный на ценностях канонического либерализма, на безоговорочных принципах демократии как формы суверенной власти народа. В полном соответствии с этими принципами Россия подписала и ратифицировала Европейскую Конвенцию “О защите прав человека и основных свобод”, вступила в Совет Европы и признала юрисдикцию ЕСПЧ. Но спустя всего 10 лет начался постепенный возврат во времена императрицы Екатерины II, тщательно воспроизведенные Советским Союзом, когда воляность (свобода) есть право делать только то, что “законы дозволяют” при полном снятии ограничений на сколь угодно широкую трактовку такого “дозволения” государством.

Свертывание свободы происходит во имя удержания власти, поскольку власть предрасположена явно бояться ее потерять. Отсюда вывод – только сильное государство может по-настоящему защитить гражданские права, свободы и самое себя от попыток злоупотреблений властью. Сильное государство крепнет свободой граждан, а слабое урезает ее от бессилия и страха. Если через три десятилетия власть в России вдруг законом запрещает себя оскорблять, значит, она знает, чего заслуживает, и другого от людей не ждет. С этой точки зрения круговая самооборона чиновничества от свободы – удар по оборонноспособности государства, еще более беззащитного перед внутренней деградацией, чем перед внешней угрозой [Рубцов 2019].

Поэтому когда гражданам России, живущим за ее пределами, задают вопрос о различиях в их сегодняшней жизни по сравнению с жизнью в России, они в подавляющем своем большинстве отвечают примерно так, как ответила живущая в Германии Ж. Немцова: “Отличие жизни – свобода. Для меня лично тут больше свободы, и у меня есть полная уверенность, что если я хочу что-то сделать, то единственным препятствием к этому будет не бюрократия, не авторитарный политический режим, а то, что я сама не смогла сделать или реализовать задуманное. Тут мне не надо постоянно общаться с властями, с кем-то что-то согласовывать и так далее. Конечно, так жить лучше – когда правовое государство существует и когда оно функционирует, когда соблюдаются законы” [Панкина 2019].

Как сказала лауреат Нобелевской премии по литературе белорусская писательница С. Алексиевич: “Никто не знал, что свобода — это то, что зарабатывается сотнями лет, как в Германии или Франции. Когда человек каждый день что-то делает для своей свободы. И что, конечно, для свободы нужны свободные люди, а не мы. Мы вышли из лагеря, в котором сидели 70 с чем-то лет. Не может раб выйти за ворота лагеря и тут же стать свободным. Что этот человек знает? Только психологию лагеря” [Духнич 2019].

А пока в России мальчики и девочки, их родители, а иногда даже бабушки и дедушки выходят на улицы, читают вслух Конституцию и выстраиваются в длинные очереди, чтобы встать в одиночные пикеты “за вашу и нашу свободу”... Да, наверное, сделать однозначный вывод о том, готово или не готово российское общество к свободе пока трудно, но уже можно, безусловно, утверждать, что к несвободе оно не готово вовсе.

Но! Свобода стоит того, чтобы за нее бороться!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авакьян С.А. (1997) Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Изд-во Московского университета.
- Бланкенагель А., Левин И.Г. (2013) Свобода собраний и митингов в Российской Федерации – сделано в СССР?: “Лучше мы не можем” или “По-другому не хотим”? // Сравнительное конституционное обозрение. № 2. С. 55–62.
- В чем же обвиняют Костю Котова? Инициативная группа поддержки активиста анализирует материалы дела и выступления в суде (2019) // Новая газета. 10 сентября (<https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/10/81923-v-chem-zhe-obvinyayut-kostyu-kotova>).
- Вараксин М. (2019) ЕСПЧ подвел итоги 2018 года. Россия – лидер по числу жалоб и нарушений // Pravo.ru. 24 января (<https://pravo.ru/news/208489/>).
- Воеводин Л.Д. (1980) Советское государственное право. Учебник. Под ред. С.С. Кравчука. М.: Юридическая литература.
- Гавел В. (2011) Российское общество ведет борьбу с самой жесткой из всех известных форм посткоммунизма // Новая газета. 21 декабря (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/12/18/47228-vatslav-gavel-171-rossiyskoe-obschestvo-vedet-borbu-s-samoy-zhestkoy-iz-vseh-izvestnyh-form-postkommunizma-187>).
- Глава Конституционного суда России вышел из Венецианской комиссии (2013) // РАПСИ – Российское агентство правовой и судебной информации. 24 мая (http://rapsinews.ru/international_news/20130524/267539635.html).
- Горбачев М.С. (1989^а) Речь по завершении работы 1-й сессии Верховного Совета СССР // Известия. 5 августа.
- Горбачев М.С. (1989^б) Социалистическая идея и революционная перестройка. М.: Политиздат.
- Гурвич Г.С. (1923) История Советской Конституции. М.: Издание Социалистической Академии.
- Дайси А.В. (1907) Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции. М.: Издание товарищества И.Д. Сытина.
- Духнич О. (2019) “Плохи наши дела”. Лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич – о психологии лагеря, агрессии РФ и новой Украине. Интервью НВ // НВ (<https://style.nv.ua/kultura/aleksievich-ob-agressii-rf-voyna-na-donbasse-krum-novoy-ukraine-i-knige-novosti-ukrainy-50057767.html>).
- Жилин И. (2019) Прокурорский реванш // Новая газета. 2 ноября (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/11/02/82606-prokurorskiy-revansh>).
- Зорькин В.Д. (2016) Доверие к праву – путь разрешения глобальных кризисов. Лекция, представленная на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге 19 мая 2016 года // Российская газета. 19 мая.
- Зорькин В.Д. (1978) Позитивистская теория права в России. М.: Издательство Московского университета.
- Израэль Д. (2016) Необходимая фикция демократии // Rīgas laiks. Русское издание. Лето. С. 20–31.
- История государства и права зарубежных стран: хрестоматия: в 2 ч. (2017) Ч. 2. Средние века. Новое время. Новейшее время. Под ред. Е.А. Апольского. Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
- Калинычев Ф.И. (1957) Государственная дума в России в документах и материалах. М.: Госюриздат.
- Каменский А.Б. (2011) К вопросу об эволюции смысла концептов “свобода” и “вольность” в русском политическом дискурсе XVIII в. // Труды по россиеведению. Вып. 3. М.: ИНИОН РАН.
- Краснов М.А. (2018) Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов. Учебное пособие. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Лаптева Л.Е. (2009) Устарело ли правовое государство? // Четвернин В.А. Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. М.: ГУ ВШЭ. С. 145–152.
- Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: Политиздат. С. 274–351.
- Лукьянов А.И. (1989) Съезд, общество, власть советов // Известия. 24 июня.
- Медушевская Н.Ф. (2010) Интеллектуально-духовные основания российского права. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России.

- Медушевская Н.Ф. (2009) Российское понимание свободы // *Юридический мир*. № 12. С. 48–51.
- Омельченко О.А. (1994) *Идея правового государства: истоки, перспективы, тупики*. М.: Манускрипт.
- Панкина М. (2019) Жанна Немцова для SPLETNIK.RU: о жизни и работе в Германии, возвращении на родину, отце и личной жизни // SPLETNIK.RU. 1 октября (<http://www.spletnik.ru/look/interview/92206-zhanna-nemtcova-o-zhizni-i-rabote-v-germanii-vozvraschenii-na-rodinu-ottce-i-lichnoy-zhizni.html>).
- План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: Введение к Уложению государственных законов 1809 г. (1905). М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К. Пимен.
- Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС “О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны” (1988) // Портал “История. РФ” (<http://док.история.рф/20/rezolyutsiya-xix-vsesoyuznoy-konferentsii-kpss/>).
- Реформы и реформаторы в истории России (1996) Под ред. А.Н. Сахарова М.: ИРИ РАН.
- Рубцов А. (2019) История свободы после “Конца истории” // *Новая газета*. 5 апреля. № 37. С. 8–9 (<https://novayagazeta.ru/articles/2019/04/03/80088-istoriya-svobody-posle-kontsa-istorii>).
- Руководящие принципы по свободе мирных собраний (2007) 2-е изд. Варшава: Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ (<http://www.osce.org/ru/odihr/83237>).
- Сперанский М.М. (2008) О коренных законах государства // Сперанский М.М. *Юридические произведения*. Под ред. В.А. Томсинова М.: Зерцало. С. 274–304.
- Храмова Т.М. (2014) *Небезопасная свобода: о пределах ограничения свободы собраний в целях охраны общественного порядка и безопасности* // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 3 (100). С. 42–53.
- Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов (1988) Вып. 2. М.: ИНИОН АН СССР.
- Чичерин Б.Н. (2000) *Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века)*. Под ред. М.А. Абрамова. М.: Прогресс-Традиция.
- Чичерин Б.Н. (1998) *Философия права*. Санкт-Петербург: Наука.
- Шайо А. (2011) Сдерживание страстей: собрания, религия и народный суверенитет // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 5 (84). С. 146–164.
- Шеварнадзе Э.А. (1989) *Выступление на Пленуме ЦК Компартии Грузии 14 апреля 1989 года* // *Известия*. 5 ноября.
- Шиман Т.А. (1908) *История России проф. Шимана. Александр Первый*. М.: “Образование”.
- Kivelson V. (2002) *Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom* // *Journal of modern history*. No. 74. Pp. 465–489.

REFERENCES

- Avak'yan S.A. (1997) *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Blankenagel' A., Levin I.G. (2013) *Svoboda sobraniy i mitingov v Rossiyskoy Federatsii – sdelayano v SSSR?: “Luchshe my ne mozhem” ili “Po-drugomu ne khotim”?* [Freedom of assembly and rally in the Russian Federation - made in the USSR?: “We can’t do better” or “We don’t want any other way”?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 55–62.
- Chicherin B.N. (1998) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. St.-Petersburg: Nauka.
- Chicherin B.N. (2000) *Rossiia nakanune dvadtsatogo stoletiya* [Russia on the eve of the twentieth century]. *O svobode. Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*. [About Freedom. Anthology of World Liberal Thought (1st half of the XX century)]. Ed. by M.A. Abramova. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena: sbornik perevodov* (1988) [Pure doctrine of the law of Hans Kelsen: collection of translations] vol. 2. Moscow: INION AN SSSR.
- Daysi A.V. (1907) *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii: vvedenie v izuchenie angliyskoy konstitutsii* [Basics of Public Law in England: An Introduction to the Study of the English Constitution]. Moscow: Izdanie tovarishchestva I. D. Sytina.
- Dukhnych O. (2019) “Plokhii nashi dela”. Laureat Nobelevskoy premii Svetlana Aleksievich – o psikhologii lagerya, agressii RF i novoy Ukraine. Interv'yu NV [“It is bad”. Nobel Prize winner Svetlana Aleksievich – on the psychology of the camp, the aggression of the Russian Federation and the new Ukraine.

Interview for NV]. *NV* (<https://style.nv.ua/kultura/aleksievich-ob-agressii-rf-voyna-na-donbasse-krym-novoy-ukraine-i-knige-novosti-ukrainy-50057767.html>).

Gavel V. (2011) Rossiyskoe obshchestvo vedet bor'bu s samoy zhestkoy iz vseh izvestnykh form postkommunizma [Russian society is fighting the toughest of all known forms of post-communism]. *Novaya gazeta*. 21 December (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/12/18/47228-vatslav-gavel-171-rossiyskoe-obshchestvo-vedet-borbu-s-samoy-zhestkoy-iz-vseh-izvestnyh-form-postkommunizma-187>).

Glava Konstitutsionnogo suda Rossii vyshel iz Venetsianskoy komissii (2013) [The head of the Constitutional Court of Russia left the Venice Commission]. *RAPSI – Rossiyskoe agentstvo pravovoy i sudebnoy informatsii*. 24 May (http://rapsinews.ru/international_news/20130524/267539635.html).

Gorbachev M.S. (1989^a) Rech' po zavershenii raboty 1-y sessii Verkhovnogo Soveta SSSR [Speech at the conclusion of the 1st session of the Supreme Soviet of the USSR]. *Izvestiya*. 5 August.

Gorbachev M.S. (1989^b) *Sotsialisticheskaya ideya i revolyutsionnaya perestroika* [Socialist idea and revolutionary perestroika]. Moscow: Politizdat.

Gurvich G.S. (1923) *Istoriya Sovetskoy Konstitutsii* [History of the Soviet Constitution]. Moscow: Izdanie Sotsialisticheskoy Akademii.

Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran: khrestomatiya: v 2 ch. (2017). *Ch. 2. Srednie veka. Novoe vremya. Noveyshhee vremya* [History of state and law of foreign countries: anthology: in 2 volumes. Vol. 2. The Middle Ages. New time. The latest time]. Ed. by E.A. Apol'skiy. Rostov-na-Donu: Rostovskiy institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii).

Izrael' D. (2016) Neobkhodimaya fiktsiya demokratii [A necessary fiction of democracy]. *Rigas laiks. Russkoe izdanie*. Summer, pp. 20–31.

Kalinychev F.I. (1957) *Gosudarstvennaya дума в России в документах и материалах* [State Duma in Russia in documents and materials]. Moscow: Gosyurizdat.

Kamenskiy A.B. (2011) K voprosu ob evolyutsii smysla kontseptov “svoboda” i “vol'nost'” v russkom politicheskom diskurse XVIII v. [On the evolution of the meaning of the concepts of “freedom” and “freedom” in Russian political discourse of the 18th century]. *Trudy po rossievedeniyu*, vol. 3. Moscow: INION RAN.

Khramova T.M. (2014) Nebezopasnaya svoboda: o predelakh ogranicheniya svobody sobraniy v tselyakh okhrany obshchestvennogo poryadka i bezopasnosti [Insecure Freedom: On the Limits of Restricting Freedom of Assembly for the Protection of Public Order and Security]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3 (100), pp. 42–53.

Kivelson V. (2002) Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom. *Journal of modern history*, no. 7, pp. 465–489.

Krasnov M.A. (2018) *Vvedenie v konstitutsionnoe pravo s raz'yasneniem slozhnykh voprosov. Uchebnoe posobie* [Introduction to constitutional law explaining complex issues. Tutorial]. Moscow: Izdatel'skiy dom HSE.

Lapteva L.E. (2009) Ustarelo li pravovoe gosudarstvo? [Is the rule of law obsolete?]. Chetvernin V.A. *Ezhedodnik libertarno-yuridicheskoy teorii*, vyp. 2. Moscow: GU HSE, pp. 145–152.

Lenin V.I. (1968) Pobeda kadetov i zadachi rabochey partii [The victory of the cadets and the tasks of the working party]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Works], vol. 12. Moscow: Politizdat, pp. 274–351.

Luk'yanov A.I. (1989) S'ezd, obshchestvo, vlast' sovetov [Congress, society, power of councils]. *Izvestiya*. 24 June.

Medushevskaya N.F. (2010) *Intellektual'no-dukhovnye osnovaniya rossiyskogo prava* [Intellectual and spiritual foundations of Russian law]. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk. Moscow: Moskovskiy universitet MVD Rossii

Medushevskaya N.F. (2009) Rossiyskoe ponimanie svobody [Russian understanding of freedom]. *Yuridicheskyy mir*, no. 1, pp. 48–51.

Omel'chenko O.A. (1994) *Ideya pravovogo gosudarstva: istoki, perspektivy, tupiki* [The idea of the rule of law: sources, perspectives, dead ends]. Moscow: Manuskript.

Pankina M. (2019) Zhanna Nemtsova dlya SPLETNIK.RU: o zhizni i rabote v Germanii, vozvrashchenii na rodinu, otse i lichnoy zhizni [Zhanna Nemtsova for SPLETNIK.RU: about life and work in Germany, homecoming, father and personal life]. *SPLETNIK.RU*. 1 October (<http://www.spletnik.ru/look/interview/92206-zhanna-nemtsova-o-zhizni-i-rabote-v-germanii-vozvrashchenii-na-rodinu-otse-i-lichnoy-zhizni.html>).

Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo: Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g. (1905) [The plan for state transformation of Count M.M. Speransky:

Introduction to the Code of State Laws of 1809]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K. Pimen.

Reformy i reformatory v istorii Rossii (1996) [Reforms and reformers in the history of Russia]. Ed. by A.N. Sakharov. Moscow: IRI RAN.

Rezolyutsiya XIX Vsesoyuznoy konferentsii KPSS “O nekotorykh neotlozhnykh merakh po prakticheskomu osushchestvleniyu reformy politicheskoy sistemy strany” (1988) [Resolution of the 19th All-Union Conference of the CPSU “On some urgent measures for the practical implementation of the reform of the political system of the country”]. *Portal “Istoriya. RF”* (<http://dok.istoriya.rf/20/rezolyutsiya-xix-vsesoyuznoy-konferentsii-kpss/>).

Rubtsov A. (2019) *Istoriya svobody posle “Kontsa istorii”* [The history of freedom after the “End of History”]. *Novaya gazeta*. 5 April, no. 37, pp. 8–9. (<https://novayagazeta.ru/articles/2019/04/03/80088-istoriya-svobody-posle-kontsa-istorii>).

Rukovodyashchie printsipy po svobode mirnykh sobraniy (2007) [Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly]. 2nd edition. Warsaw: OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR) (<http://www.osce.org/ru/odihr/83237>).

Shayo A. (2011) *Sderzhivanie strastey: sobraniya, religiya i narodnyy suverenitet* [Passion control: meetings, religion and popular sovereignty]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 5 (84), pp. 146–164.

Shevardnadze E.A. (1989) *Vystupenie na Plenum TsK Kompartii Gruzii 14 aprelya 1989 goda* [Speech at the Plenum of the Central Committee of the Communist Party of Georgia on April 14, 1989]. *Izvestiya*. 5 November.

Shiman Teodor A. (1908) *Istoriya Rossii prof. Shimana. Aleksandr Pervyy* [History of Russia by prof. Shiman. Alexander the First]. Moscow: “Obrazovanie”.

Speranskiy M.M. (2008) *O korennykh zakonakh gosudarstva* [On the fundamental laws of the state]. *Speranskiy M.M. Yuridicheskie proizvedeniya*. Ed. by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo.

V chem zhe obvinayut Kostyu Kotova? Initsiativnaya gruppa podderzhki aktivista analiziruet materialy dela i vystupeniya v sude (2019) [What is Kostya Kotov accused of? The activist's initiative support group analyzes case materials and court appearances]. *Novaya gazeta*. 10 September (<https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/10/81923-v-chem-zhe-obvinayut-kostyu-kotova>).

Varaksin M. (2019) *ESPCh podvel itogi 2018 goda. Rossiya – lider po chislu zhalob i narusheniy* [ECHR summed up the results of 2018. Russia is the leader in the number of complaints and violations]. *Pravo.ru*. 24 January. (<https://pravo.ru/news/208489/>).

Voevodin L.D. (1980) *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo*. Uchebnik [Soviet state law. Textbook]. Ed. by S.S. Kravchuk. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Zhilin I. (2019) *Prokurorskiy revansh* [Prosecutor's Rematch]. *Novaya gazeta*. 2 November (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/11/02/82606-prokurorskiy-revansh>).

Zor'kin V.D. (2016) *Doverie k pravu – put' razresheniya global'nykh krizisov*. Lektsiya, predstavennaya na Mezhdunarodnom yuridicheskom forumе v Sankt-Petersburge 19 maya 2016 goda [Trust in law is a way to resolve global crises. Lecture presented at the International Legal Forum in St. Petersburg on May 19, 2016]. *Rossiyskaya gazeta*. 19 May.

Zor'kin V.D. (1978) *Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii* [Positivist theory of law in Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.